

Экономка, или как ее называла Ким, Мисс Эш была убита.

Первой увидела тело горничная, которая собиралась начать убираться в библиотеке. Она выбежала из оттуда, чтобы позвать на помощь, но ей было сложно связать от шока слова.

— Т-там... Это... Эш... Ее...

Еле разобрав ее речь, на место пришли другие слуги.

На полу в библиотеке лежал труп в соответствующей форме. Лицо бледно, руки распростерты, ноги сведены. Голова вертикально, а глаза и рот закрыты. А рядом с трупом в кресле сидел, читая книгу, он. Убийца.

Убийцей был лакей. Мужчина, обычно подающий чай, открывающий дверь гостям и помогающий батлеру, не пытался спрятаться или убежать от правосудия.

— Зачем? — спросили во время допроса у него.

Смотря убийце в глаза, дознаватель не видел в них ни страха, ни раскаяния. Ничего.

— ... Хотел опробовать себя, — сказал убийца.

— ... Что ты имеешь ввиду?

— Хватит ли у меня мужества? Насколько я добросердечен? Насколько я талантлив?

— ... Талантлив в чем?

— В убийстве.

— И к какому же выводу ты пришел?

— ... Если бы не стечение обстоятельств, то меня бы поймали ещё до её гибели, так что... Да. Я бездарность.

Больше убийца не отвечал на вопросы, но этого и не требовалось. Его в любом случае, независимо от причин, ждет эшафот. Уж лорд Сэмюэль позаботится о том, чтобы убийца одного из его слуг был наказан.

Единственным, кто скорбил из-за смерти лакея был его брат, который работал врачом. Но он, хоть убийца и был его братом, признавал справедливость вынесенного приговора.

Был необычайно холодный день для Лондона. Аж минус пять градусов по Цельсию. Даже зимой температура редко опускалась ниже нуля. Впервые за всё лето было настолько холодно.

Майя стучалась в дверь Ким. Та, после смерти экономки, отказывалась выходить из комнаты и что-либо делать. В ее комнату уже пытались зайти, но с той стороны она была подперта, предположительно, стулом.

— ... Я оставлю еду под дверью! — крикнула Майя, положив на пол поднос.

С гибели Эш прошло всего четыре дня. Это время Майе приходилось работать одной.

Из-за угла, со стороны лестницы, слышался голос:

— Ничего?

— Угу, — кивнула Майя.

Это был Томас. Он, как и большинство жителей поместья, волновался за состояние Ким и всячески пытался до нее достучаться, приходя к ней каждый день. Его, разумеется, так же не выпускали.

Томас вздохнул. Майя, немного посмотрев на него, спросила:

— Может, нужно просто оставить её? Рано или поздно сама выйдет.

— ... Я это понимаю. Просто...

— Да~? — подтолкнула Майя замолчавшего Томаса к ответу.

— Ну, для начала я боюсь, что она может наложить на себя руки.

— ... Вряд ли она это сделает.

Майя уже сложила образ Ким у себя в голове. Ей казалось, что она сильная девушка и сможет со временем смириться с этим.

— Скорее всего, так и есть... Но, если это всё же произойдет, я не хотел бы корить себя за бездействие.

Томас, облокотившись о стену, замолчал, но потом очень тихо про себя добавил: "Хотя, скорее всего, всё равно буду".

Майя вздохнула и села на пол, напротив Томаса, прислонившись к стене.

Томас продолжил:

— Приходя, я пытаюсь показать ей, что она нам нужна. Что она нам не безразлична. В таком случае, возможно она скоро выйдет. Хотелось бы чтобы это произошло до того, как я уеду.

До Майи не сразу дошел смысл сказанного. А когда дошел, сердце пропустило удар и дыхание участилось.

— Уедешь? — спросила Майя, — Звучит так, будто ты покидаешь нас навсегда.

— Не навсегда, но надолго. Через три дня заканчивается отдых, который предоставляет университет, и я буду вынужден жить на время учебы на его территории.

— ... Сколько это продлится?

— Вернусь, скорее всего, только через десять месяцев.

Майя запрокинула голову.

"... Как всё плохо в последнее время."

Ким вышла, как раз после ухода Томаса. Температура к тому моменту уже стала обычной для Лондона летом (двадцать градусов). Вид у Ким был страдальческим. Она, очевидно, много плакала, мало спала и почти не ела.

— Я... Хочу поговорить, — обратилась она к Майе, — с Томасом.

“По имени?” — заметила Майя странность в ее обращении.

— Он ушел.

Ким сильно втянула ртом воздух, немного слезинок вышло из ее глаз.

— К-когда? — спросила, заикаясь она.

— Только что.

— Я-ясно... — и она ушла обратно в свою комнату.

Майя ее не остановила. Просто смотрела, как она уходит. Она даже не знала, что может сделать. Всё, что бы она ни сказала, будет пропущено мимо ушей.

“Но я могла бы попытаться хоть что-нибудь сказать.”

Но Ким не стала снова замыкаться. На следующий день она начала работать вместе с Майей.

— Эмм... Ким. Я хотела бы... извиниться.

Ким только посмотрела на нее. Она и до этого была молчалива, но сейчас полностью замкнулась в себе.

— Я... как-то раз говорила, что недолюбливаю мисс Эш... Я была права. Не стоило злиться на нее только потому что она выполняла свою работу... Раз уж я не могу извиниться перед ней, то хочу извиниться хотя бы перед тобой. Мне жаль за всё, что я говорила. Прости.

Но Майя нагло врала. Ей не было жаль. Смерть экономики её никак не трогала, а Ким ей не нравилась. Уж больно она была, по мнению Майи, злой. Просто её постоянное уныние влияло на её работоспособность.

Ким немного посмотрела ей в глаз. Смотрела так, будто готова расплакаться, но потом отвернулась, продолжая выполнять свою работу. Она лишь тихо сказала:

— Продолжай. У нас еще много работы.

— Да.

Майя в этом никогда не признается, но где-то в глубине души она даже злорадствовала Ким. Одной из двух девушек, что не пожалела её, когда она в этом так нуждалась.

Создавалось ощущение, будто сам всевышний покарал её за эту чёрствость.

Прошло пять месяцев. Зима. Без Томаса дни для Майи тянулись невыносимо долго. Каждый день был монотонным и серым. Только на выходных она могла забыться в библиотеке вместе с грудастой горничной, которую, как выяснилось, зовут Диана.

— Читай, — сказала Диана, — С выражением!

— Обязательно с выражением? — спросила уставшая от этого Майя.

— Конечно!

— Зачем?

— А вдруг господин будет занят и попросит тебя прочитать какое-нибудь письмо?

— Ла~дно~... — уставшим голосом.

“Ты видел смерть

Во первообразе, но счету нет

Ее обличьям. Множество путей

Ведут в ее пугающий вертеп;

Они печальны все, но эта сень

На подступах ужасней, чем внутри.

Иных людей, как видишь, умертвит

Жестокое насилие, а других

Огонь, вода и голод; очень многих

Обжорство, бражничество; порождают

Они болезни тяжкие; толпа

Чудовищная хворей пред тобой

Сейчас предстанет, чтобы ты познал,

Как много причинится людям бед

Невоздержанием Евы!"

“Что я вообще читаю?!”

Майя закрыла книгу, придерживая пальцем прочитанную страницу (где-то в конце), и прочитала название: “Джон Мильтон. Потерянный Рай.”

“Звучит красиво.”

— А почему не сначала? — прошептала Майя.

— Так ты ж сама открыла именно эту страницу. Я здесь не причем.

— Ой. Я про себя...

— Зато посмотри, как ты начала хорошо читать. Это значит, что мне больше не придется тебя учить...

Расслабившись, Диана откинулась на спинку стула.

— Извини за эти неудобства.

— Да ничего. Это было даже весело...

Большегрудая оглядела всё вокруг и немного грустно сказала:

— Жаль, Ким больше не с нами.

— ... Да. Было грустно, когда она ушла, — соврала Майя.

— А я так и не смогла перед ней извиниться...

— Извинится? За что?

Горничная посмотрела на Майю. Глаза ее были сужены, а уголки рта опущены.

— Это не важно... — говорила она медленно и грустно, — Просто... Если ты когда-нибудь снова с ней встретишься, пожалуйста... Скажи, что мне очень жаль. Извинись за меня.

— ... Диана, это звучит так, будто ты собираешься умереть.

— Ха-ха. Действительно. Так это и прозвучало. Но... — горничная выглянула в окно, подперев подбородок ладонью, — Ты и сама знаешь, какие сейчас времена.

— ... Знаю.

Из-за низких температур урожая этим летом почти не было. Люди голодают, бунтуют, не получая зарплат, и вынуждены стоять в очередях за хлебом. На улице процветает разбой. Многие уже расстались со своими жизнями, а слух о “Великом морозе” всё только усугубляет.

И это было только начало. Прошло время, и аристократы были вынуждены выставлять охрану в свои поместья, чего до этого они не делали, ведь некоторые, особо отчаянные люди спровоцированные голодом и холодами, начали нападать на поместья своих лордов, полностью выкашивая рода и их слуг. К этому всему прибавляется еще и “Убийца благородных”, который, как следует из названия, убивал людей голубых кровей.

Сколько в день сейчас на улицах погибает людей? Сколько страданий они вынуждены каждый день выносить? Жестокое насилие, огонь, вода и голод, тяжкие болезни. Как много причинится людям бед невоздержанием Евы...

“К этому списку нужно добавить еще и холод.” — подумала Майя.

За неделю до смерти Марии.

Той ночью Майя проводила ночную мойку полов.

“Хочу спать...”

Она задним ходом (попой вперед) начала мыть рядом с музыкальной комнатой.

“Музыка?”

Скрипка. Прекрасная мелодия, которую Майя уже как-то раз слышала, разносилась по коридору.

Майя встала и решила подойти к источнику шума. Там, за дверью музыкальной комнаты, сидела Мария. Освещаемая тусклым светом свечи она играла на скрипке.

“Она... Плачет?”

Ее красивое лицо было покрыто слезами. Но, несмотря на это, музыка, как и в прошлый раз, была прекрасна.

Майя села под дверью.

“Послушаю немного.”

Майя уже видела подобное. Мария так же играла, когда Томас уехал в академию. Она это делает, когда ей становится грустно. И играет так самозабвенно, что порой не замечает происходящего вокруг.

Но Майя в первый раз видит, как она плачет во время игры.

<http://tl.rulate.ru/book/82980/2881099>